

УДК 821.221.18+821.352.3

АВТОРСКОЕ «Я» В ТЕКСТАХ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

И. В. Мамиева

Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований им. В.И. Абаева
ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания

Исследуется процесс формирования авторского начала в трудах первой плеяды северокавказских просветителей (конец XVIII – первая половина XIX в.), особенности проявления просветительских позиций в документально-публицистических, научно-художественных жанрах, их обусловленность общественно-историческими, социокультурными факторами. На уровне концептуально-идеологической и стилистической специфики текста изучается проблема «функционального синкретизма» в творчестве И. Ялгузидзе, Ш. Ногмова, С. Хан-Гирея. В ходе сравнительно-типологического анализа делается попытка выведения регионального типа творческой личности в ранних формах литературности на Северном Кавказе, осмысления его этнокультурных и индивидуально-личностных аспектов.

The article considers the process of formation of author's copyright in the works of the firsts North Caucasian enlighteners (the end of the XVIII – the first half of the XIX centuries), features of displaying educational positions in the documentary and journalistic, scientific and artistic genres, their conditionality of the social and historical, socio-cultural factors. At the level of conceptual and ideological, and stylistic text specificity the "functional syncretism" in the creative work of I. Yalguzidze, Sh. Nogmov, S. Khan-Giray is studied. During the comparative and typological analysis the author attempts to define the regional type of creative personality in the early forms of literariness in the North Caucasus, comprehend its ethnic, cultural, and individual and personal aspects.

Ключевые слова: северокавказское просветительство; ранние формы литературности; контекстные факторы; функциональный синкретизм; принцип историзма; особенности выражения авторского «я»; тип творческой личности.

Keywords: North Caucasian enlightenment; early forms of literariness; contextual factors; functional syncretism; principle of historicism; features of expressing authorial "I"; type of creative person.

В социально-политической, культурно-экономической жизни народов Северного Кавказа конец XVIII – первая половина XIX века, как мы знаем, отмечены кардинальными сдвигами. В обстановке продолжающейся Кавказской войны, в преддверии трагедии махаджирства – массового исхода народов с исторической родины – и, параллельно с этим, в условиях ускоренных модернизационных преобразований, инициируемых Российской империей, возникает движение, трактуемое в науке как горское просветительство. Уникальное историко-культурное явление стало предметом специального изучения в трудах В.Б. Корзуна, И.В. Трескова, Х.Х. Хапсирокова, Л.Г. Голубевой, А.Х. Хакушева, Р.Х. Хашхожевой, Е.Е. Хатаева, Ш.Т. Хута, Т.Х. Кумыкова, С.А. Айларовой и др. Различные аспекты регионального и национального просветительства нашли отражение в статьях и монографических исследованиях Г.Г. Гамзатова, Н.Г. Джусойты, А.И. Караевой, Л.А. Бекизовой, В.Ш. Авидзбы, З.М. Налоева, В.Б. Тугова, Ю.М. Тхагазитова и мн. др.

Среди наиболее активно осваиваемых в наши дни тем можно выделить этнокультурную/этноментальную специфику художественной индивидуальности (на примере творчества писателей адыгов) [1]. Надо заметить, что адыгское просветительство как культурно-художественный феномен зачастую рассматривается изолированно от аналогичных процессов в регионе. Данный путь исследования не представляется конструктивным ввиду того, что глубину своеобразия национальных литературно-эстетических систем «возможно понять лишь путем выяснения общих тенденций, свойственных им» [2, с. 11]. В русле ценного методологического посыла, сформулированного в целом ряде

фундаментальных трудов академика Г.Г. Гамзатова, этнически ориентированный подход в изысканиях последних лет постепенно уступает место научно-философскому осмыслению судьбоносного в жизни всех народов Северного Кавказа явления [3; 4, с. 13]. Сказанное актуализирует проблему типологии образа автора в региональном просветительском дискурсе.

Целью данной статьи является изучение процесса формирования авторского «я» в ранних формах литературности северокавказского просветительства (официально-деловая корреспонденция, автобиографии, историко-этнографические тексты и пр.), осмысление общего и национально-особенного в исторически складывающемся типе творческой личности.

Особенность просветительского движения на Северном Кавказе в том, что оно, при общих исходных положениях, унаследовало в первую очередь те идеи европейского и русского Просвещения, которые отвечали своеобразию исторического процесса в крае, работали на конкретную перспективу его развития. Ключевой среди них оставалась, конечно же, соотносительность с понятием «свет» и его различными коннотациями. Это и жажда знания, культурного развития в целом; и динамичность ума, осмысливающего проблемы общественного и природного бытия, способы рациональной их корректировки; и вера в разум народа в ситуации трагически сложного выбора; наконец, это – свет Божественной истины. Характерно, что пропаганду культурно-экономических завоеваний европейской цивилизации, утверждение новых нравственных понятий и идеалов, таких как гуманизм, внесловная ценность человека, гражданская активность, труд на благо общества и т.п., адепты северокавказского просветительства сочетали с верностью этноментальным основам горского бытия, с радением о сохранности языка, духовной культуры, прогрессивных традиций и обычаев собственного народа. Отсюда первоочередные задачи, которые они перед собой ставили, – закладывание основ письменности на родном языке, открытие школ и других образовательных учреждений, создание комплекса учебной литературы, запись и интерпретация фольклорных текстов. Параллельно или чуть позже появляется тенденция к осмыслению через образно-изобразительный ряд историко-этнографических реалий прошлого и сложнейших реформаторских перемен современности.

У истоков означенного движения стоит, очевидно, Иван Ялгузидзе (*Габараты Иуане*) (1775–1830). В числе его заслуг перед осетинской культурой и литературой – создание алфавита с опорой на грузинскую графику и первого букваря (1821). В это же время у адыгов первую попытку по составлению азбуки на основе латинской графики предпринял шапсугский поэт и просветитель Нотаук Шеретлук (*Магомед Эфенди*), а в 50-х гг. XIX в. на арабской графической основе – Умар Берсей, преподаватель черкесского языка в Ставропольской гимназии. Кабардинец Шора Ногмов (1794–1844) дважды разрабатывал национальный алфавит (на основе арабской графики – в 1825 г., на основе русской графики – в 1830 г.). Им же была составлена грамматика родного языка, но этот труд при жизни автора не был опубликован.

Должно было пройти немало времени, чтобы усилия первой плеяды горской интеллигенции по основанию письменности на родном языке увенчались зарождением национальной литературной традиции. Пока же просветительская литература на Северном Кавказе создается на русском языке. Предвестником ее, думается, можно считать «Поэму об Алгузе». Построенное по жанровым лекалам рыцарского романа, с опорой на качественно иной принцип и способы художественного миромоделирования, произведение это по своему идейному пафосу и ряду других показателей созвучно ранним образцам просветительского творчества в регионе. Поэт-патриот И. Ялгузидзе описанием славных подвигов Алгуза и возведением его родословной к династии греческих царей хотел пробудить интерес и почтительное отношение к своему народу, к его истории. Аналогичными мотивами движим впоследствии и Ш. Ногмов, который, мифологизируя этногенез адыгов, выводит их первопредками легендарных антов. Еще одна точка соприкосновения произведения И. Ялгузидзе и научно-художественных просветительских текстов, это – этнографизм. В «Поэме...» нет реальной исторической основы. Но в ней с замечательной точностью описаны существующие и поныне или до недавнего времени обычаи осетин. Такие, например, как

похищение невесты, похоронные ритуалы, слова надгробных рыданий; торжества по случаю рождения сына; обычаи гостеприимства, кровной мести, примирения врагов за «трапезой мира», почтения и уважения к женщине, к праху врага, выдача его для погребения близким и мн. др. Все это, а также яркие сцены сражений, выполненные в лучших традициях героического эпоса, создают художественную атмосферу и осетинский колорит произведения, работают на «национальную идею».

Если в «Поэме об Алгузе» идеал политического устройства Осетии мыслится в форме феодальной государственности [5, с. 52], то со временем идейные позиции ее создателя существенно эволюционируют. Свидетельство тому – деловая переписка с представителями русской военной власти в начале 1800-х гг., представляющая большой интерес и в плане проявления личности автора. Критика феодальных порядков здесь не только очевидна, она приобретает острую сатирическую направленность. Ивану Ялгузидзе по долгу службы часто приходилось сопровождать экспедиции по «вразумлению, успокоению» и приведению к присяге горцев-осетин. Известны два его донесения представителю русской военной власти в Грузии подполковнику Симоновичу по поводу восстания южных осетин против грузинских феодалов. Автор в освещении фактов прибегает к мнению конфликтующих сторон, включая их голоса в объектированное повествование. Обрисовав живую картину противостояния, дав высказаться каждой из сторон, он с публицистической четкостью формулирует собственную точку зрения, признав действия помещиков откровенным произволом. Служебный доклад, вследствие введенных в нарративный текст элементов чужого высказывания и их субъективной оценочности, трансформируется, таким образом, в колоритную жанровую сцену. Благодаря стихии устного слова повествование на чужом (русском) языке вбирает характерные интонации родной речи. В то же время оно пронизано дыханием авторской мысли, чувства и настроения. К слову сказать, элементы образности присутствуют даже в переложении И. Ялгузидзе на осетинский язык «Положения о временных судах и присяге» – в первом печатном издании светского направления в Осетии.

Образцы деловой письменности, в том числе указанные выше рапорты Ивана Ялгузидзе, относятся к «документальной предистории» просветительства. Этот, ранее не затрагиваемый, аспект темы активно обозначился в научных изысканиях последних лет. В центре внимания исследователей – официальная и частная переписка с конца XVIII в. сословных групп и отдельных лиц из Кабарды, Чечни, Дагестана, Осетии с представителями имперской власти на Кавказе, с османской Турцией [6, с. 9; 7, с. 164] – в форме проектов, записок, докладов, грамот, жалоб, прошений, «мнений» и пр. Столь разнородный материал, классифицируемый как «рукописное литературное наследие», был вызван к жизни проблемой интеграции горских народов в культурное пространство Российской империи. В нем – соображения и выкладки, главным образом, представителей военной и служилой интеллигенции по перестройке управленческой, гражданской, хозяйственно-экономической структур края. Письма и деловые бумаги содержат также отклики на непродуманные «новации» и опасные перегибы в деятельности кавказской администрации [3, с. 35]. Сказанное объясняет значительный интерес к ним и «в плане нравственном» [6, с. 9] как запечатлевшим ментальную реакцию народов на то или иное общественно-политическое либо социокультурное событие. Для авторов деловой письменности характерны в целом обостренное чувство гражданского долга и патриотизма, тревога за судьбу отечества в сложную переломную эпоху, взвешенный подход к оценке перспектив его развития. Иными словами, аналитичность просветительской мысли выражается в субъективной, эмоционально окрашенной форме. Замечательный пример сказанному – «Записки о беспорядках на Кавказской линии и о способах прекратить оные» (1804) Измаил-бея Атажукина, реформаторские идеи Султана Хан-Гирея по «гражданскому устройству» адыгского общества («О мерах и средствах для приведения черкесского народа в гражданское состояние кроткими мерами, с возможным избеганием кровопролития» (1836), ряд публикаций Кази Атажукина по вопросам введения письменности в Кабарде и мн. др. Через официально-деловой стиль этих сочинений то и дело «пробивается» авторская экспрессия – ступки концентрированной позитивной воли, подспудно ориентирующие на результат, на убеждение и предупреждение. Такова, например, провидческая картина, обрисованная С. Хан-Гиреем (1808–1842) на случай, если Россия изберет

военно-силовые методы покорения горцев: «Само по себе разумеется, что потери страшные в том случае предстоят <...> кровь человеческая будет повсюду литься ручьем, кровь русских воинов и кровь туземцев – будущих детей России, по горестной необходимости должна орошать прекрасную страну...» [8, с. 36]. Для характеристики непрочности насильственного объединения С. Хан-Гирей тоже находит яркий образ-сравнение: «...приобретения силою оружия ничто иное, как наружная тишина моря, которое при новой буре готово опять вскипеть, угрожая гибелью неосторожному плователю» [8, с. 37].

Резюмируя, подчеркнем значимость указанных текстов не только в аспекте фактографическом, но и в ракурсе «прорастания» в них элементов эстетического значения, когда факт, помимо своей прямой служебной функции, начинает нести функцию художественной образности.

Личностный аспект еще ярче обозначен в текстах «автодокументального» содержания. Краткое изложение истории собственной жизни (1820) как процесса, развивающегося на пересечении «линий социализации и индивидуализации», оставил И. Ялгузидзе. Из его рассказа о веках драматической судьбы вырисовывается типичный портрет представителя нарождающейся горской интеллигенции. Труд, усердие и верность долгу – вот три императива, которые, судя по автобиографическому нарративу, формировали его личность. В предисловии к переводу Евангелия (1820–1823) Ялгузидзе, теперь уже на родном языке, формулирует цель своей жизни и цель жизни каждого члена общества: послужить отечеству в меру сил и возможностей. Убежденность в том, что человек без света знания ущербен и обделен, выливается в поэтически вдохновенные строки: «...чуть приоткрылись очи моего отроческого сердца <...> и узнал я, что народ, у которого нет книги, лишен истины, не знает порядком ни Бога, ни самого себя». И далее: «...я долго горевал и, наконец, осмелился создать книгу на осетинском языке, потрудившись над нею три года дено и ношно. И сколько было в моей воле, не щадил себя, чтобы вы, мои единокровные осетины, не были лишены этого великого блага». Оптимизмом насыщены заключительные слова предисловия: «с тем молю Всевышнего, чтобы вы сами и ваши дети просветились отныне сердцем и смогли овладеть знаниями» (цит. по переводу Н. Джусойты). Специфика дискурса в этой предтече осетинской художественной мысли – отход от жанровых признаков религиозного содержания – позволяет позиционировать его как «патриотическое духовное завещание» автора и одновременно – его исповедь перед родным народом [5, с. 55]; как «гимн книге, интеллекту, труду» [9, с. 173], т.е. просветительским заповедям начала XIX в.

Чуть больше десятилетия спустя Хан-Гирей в «Записках о Черкесии» (1836) будет так же сожалеть по поводу того, что его соотечественники «на собственном языке не имеют книг, ибо лишены лучшего приобретения человеческого разума – письмен» [8, с. 141]. И потому о многих событиях черкесской истории можно судить лишь гипотетически или на основании «обманчивого эха темных преданий». И подытожит с душевной болью: «Такова жалкая участь народов непросвещенных: их бытие и дела проходят безмолвно и теряются во мгле забвения» [8, с. 137]. Небезынтересно отметить, что адыгский просветитель, как и его осетинский собрат по перу, весьма скромно в оценке своего писательского дара. «Записки о Черкесии», по признанию автора, были составлены им «без всякого притязания на литературную известность» [8, с. 79].

Поразительное сходство с осетинским текстом И. Ялгузидзе обнаруживает также предисловие к «Начальным правилам адыгейской грамматики» (1840) Шоры Ногмова, в котором автор говорит о мотиве, побудившем его взяться за многолетний труд по составлению грамматики: «С того времени, как я узнал, что каждый народ, сколько-нибудь образованный, имеет науку о своем языке, известную под именем грамматики, я стал ревностно заниматься своим атыгейским языком...». Энергией высокой поэзии дышат рассуждения Ногмова о просвещенном будущем Адыгеи, в котором, возможно, ему не доведется жить, но благоденствие отечества и за гробом доставит ему великую радость: «Придет время, когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство – светильник жизни – любовь к знанию, ударит и

для нас час, когда мы все примемся за грамоту, книги и письмо... Я не доживу, не увижу, быть может, этой сладкой минуты, когда родина моя оставит все то, что отделяет ее от людей просвещенных, когда обратится она к добру и познанию! О! Тогда как много душа моя почувствует сладостных ощущений» [10, с. 107]. (Единство интонационного звучания авторского слова, факты текстуально-смысловых совпадений в трудах, создаваемых в разное время и на разных языках, даже при абсолютном тождестве идей, их формирующих, очевидно, требуют своего осмысления.)

Как видим, представителям молодой интеллигенции Северного Кавказа свойственна острота ощущения своего предназначения. Оно связано с желанием дать народу Книгу – источник знания и духовности, с воспитанием его разума в духе идей гражданственности, приоритета общественного над личным, больше того – осознания общественного интереса как естественной потребности души. Иначе говоря, в основе автобиографического нарратива лежит «культурный жизненный сценарий» [11], ориентирующий на пересмотр действующей шкалы ценностей. Писатели-просветители, создавая проективную модель личности, путем описания собственной судьбы придают ей реальные очертания и тем самым актуализируют необходимость изменений на личностном уровне. Вначале они не склонны видеть момент художественности в своих текстах, индивидуально-творческое начало в них как бы находится в стадии становления. Тем не менее наличие признаков автобиографизма, эмоционально-субъективной окрашенности свидетельствует о поисках форм самовыражения, о репрезентации собственной судьбы в контексте истории, т.е. об актуализации темы человека, его духовного мира.

Эта тенденция рельефней обозначилась в научно-публицистических сочинениях Ш. Ногмова, С. Хан-Гирея, С. Адиль-Гирея и др., вписывающих теперь уже историческую судьбу этноса в летопись времен и народов. Результатом масштабных интеллектуально-философских изысканий авторов явилась специфическая сторона их творчества – «функциональный синкретизм» (З. Налоев). Для выполнения своей программы им «приходилось быть не только беллетристами, но и выступать одновременно в роли историков, географов, социологов, лингвистов, этнографов, фольклористов, экономистов» [12, с. 433].

Живой интерес к вопросам этногенеза, общественного строя, социальной структуры, обычаев и традиций, к устно-поэтическому наследию, словом, энциклопедический охват всех аспектов быта и бытия горцев был связан с потребностью в национальном самопознании. Процесс этот определялся двумя факторами: внутренним (стремление к самоидентификации) и внешним (необходимость «исторического самоутверждения» – манифестирование себя/своего народа миру); организующим стержнем же его являлась, как уже сказано, задача воспитания через посредство просвещения нового типа человека и гражданина. Значимость намерений определяет повествовательную стратегию и структуру «Истории адыгейского народа» (опубл. в 1861 г.) Ш. Ногмова, в котором важные этапы исторической жизни адыгов рассмотрены в рамках этнокультурной картины мира. Яркостью и красочностью воспроизведения мир этот обязан опоре на устно-поэтический «документ», в известной мере – этимологическим (не всегда бесспорным!) разысканиям автора. Но явлением эстетического порядка «Историю адыгейского народа» Ш. Ногмова делает ее оригинальная поэтика. Исследователи отмечают, что автор, отталкиваясь от опыта Н.М. Карамзина («История государства Российского»), выработал свою повествовательную манеру, свободную от карамзинской сентиментальности и «форсированной патетичности». В основе ее – традиции фольклорной эстетики и собственные изобразительно-стилевые формы, в синтезе создающие индивидуальный ногмовский слог: безыскусный, отмеченный лаконизмом, но в то же время – емкий и выразительный, максимально приспособленный для отражения «строго последовательного, аргументированно-логического развития мыслей» [13, с. 22–23].

В «синкретических» текстах отмечен своеобразием и сам образ автора. На его сложную «переходную» структуру указывает наблюдение кабардинского писателя Х. Теунова: «Голос историка ритмически перемежается с голосом поэта. Повествователь то и дело уступает место песеннику или сказителю. Кажется, что

рядом с ученым, писавшим «Историю...», сидел вдохновенный гегуако и всякий раз, когда требовалась особая яркость изображения, вступал с песней» [14, с. 184].

Действительно, ключевые идеи просветительской философии Ш. Ногмова нередко подкрепляются свидетельством «гласа народного». Недифференцированность авторской и народной точек зрения позволяет придать идеологическим позициям писателя значение объективной модальности, смягчить назидательность просветительской мысли, облечь ее в художественную форму. Этот «синкретический» (мифоэпический) тип художественного сознания и есть творчески организующее начало труда Ш. Ногмова, «единая точка зрения», структурирующая разнородный историко-этнографический и фольклорно-мифологический материал. Цель автора – не столько извлечение фактов из сокровищниц народной памяти и других источников, вымышленных или имевших место в действительности, сколько стремление обозначить в их хронологии «смысл и направление истории адыгов», их движение от прошлого к будущему [15, с. 71, 78]. Другими словами, идеализация и даже мифологизация прошлого у Ш. Ногмова носит концептуальный характер.

Современник и сподвижник Ш. Ногмова, С. Хан-Гирей, подтверждая «священную обязанность» описания законов, нравов, обычаев черкесского народа, «весьма мало Европе известных», дополняет ее еще одним важным пунктом: изложенные просветителями знания необходимы и представителям царской администрации на Кавказе, для того чтобы «мудро управлять этим краем» [8, с. 79]. Если труд Ш. Ногмова, при его общей синкретической природе, заложил основы адыгской историографии, то в «Записках...» Хан-Гирея взгляд автора обращен преимущественно на этносоставляющую мира адыгов, начиная от территориальных (география, климат, природные ресурсы, флора и фауна), анатомических, физиолого-биологических характеристик и заканчивая познаниями населения в астрономии, метеорологии, спецификой исчисления времени и прочих единиц измерения. Жизнь горца прослежена от появления на свет и до смертного одра: представлены обряды жизненного цикла, традиции, касающиеся воспитания ребенка, гостевого этикета, куначества; философия праздника с сопутствующей ему атрибутикой; бытовая повседневность. Приводятся сведения о языке и религии, военном искусстве горцев; специальный раздел посвящен классификации образцов устно-поэтического творчества и музыкальных инструментов, в качестве приложения даны даже нотные записи народных мелодий. Исторический и социологический ракурсы включают данные о племенном и численном составе народонаселения, территориальном расселении, хозяйственных занятиях, правовых институтах; раскрывают особенности социальной иерархии, структуру времяпрепровождения и пр. Ценность «Записок...» Хан-Гирея не только в сосредоточенном в них фактическом материале, но и в «умении видеть за внешними факторами подлинную сущность явлений» [13, с. 38], т.е. в освоении принципов историзма мышления, в том числе, хоть и в самом общем виде, эстетических его функций.

В литературе не раз высказывалась мысль о том, что идеи горского просветительства первой волны имеют «аристократическую направленность», поскольку их носители, несмотря ни на что, – дети своего века и своего сословия, т.е. выходцы из феодальных слоев. Хотелось бы обратить здесь внимание на эволюционные подвижки во взглядах адыгских писателей на историческую роль горской знати, – надо полагать, отчасти их корректирует само время. Хан-Гирей в заключительной главе «Записок о Черкесии» излагает даже причины пересмотра собственной точки зрения на этот вопрос. Какой смысл держаться за феодальные привилегии, риторически вопрошает он, «когда человеколюбивые законы просвещенного государства должны ограждать меня от самоуправства сильного и слабейший меня ими же защищен от моего угнетения. Когда я могу быть довольным и счастливым званием честного человека, не владея знатностью, ни силою притеснять другого? Когда имя доброго гражданина могу предпочитать славе храброго воина, несправедно, кровию наполняющего нивы мирного селянина? <...> когда под благотворным скиптром великодушного Монарха я твердо уверен, что все подданные, какого бы они ни были звания и веры, равны перед его троном» [8, с. 32]. Нельзя не заметить, как динамично

«вклиниваются» в структуру строго официального повествования конструкции экспрессивного синтаксиса. В целях усиления выразительности речи в тексте использованы тропы и стилистические фигуры, в том числе очень активно – анафора (местоименное наречие «когда»), сообщающая субъективной авторской модальности семантику реальной перспективы.

Объективное и всеохватное изложение реформаторских идей по переустройству края Хан-Гирей завершает не менее поэтичной обрисовкой «сладостных и сбыточных» мечтаний о будущем Кавказа. Идиллия мирного сосуществования магометанских мечетей и церквей христиан «и в них молящихся детей единого Творца» дополняется образом «любителя древности», листающего страницы истории «благоденствующего поколения, не мечом и пламенем приведенного в покорность России, но великодушием беспримерным...» [8, с. 43]. Ритмически организованные, субъективно окрашенные сегменты в научном, по существу, нарративе говорят о его синкретической природе. Они также – свидетельство творческой потенции автора, его гуманизма и... романтических иллюзий в отношении политики российского монарха по замирению горцев.

Суммируя сказанное, отметим, что комплексное концептуальное осмысление просветительского движения на Северном Кавказе в первой половине XIX в. позволяет проследить формирование в его недрах типа творческой личности как явления общерегионального плана, вызванного к жизни потребностью эволюционных преобразований в различных сферах умственной и хозяйственной деятельности края, при условии сохранения национально-культурной самобытности народов, его населяющих.

Социально-структурная (внешняя) типология северокавказской творческой интеллигенции в указанный период складывается из общности происхождения (представители феодального сословия), поликультурности (усвоение кавказской, восточной, русской культур) как результата обучения в медресе, при монастыре, в русской школе, а затем службы в русской армии или административных учреждениях; «первичного вклада» в зарождение литературных традиций (создание основ родного письма, освоение жанров деловой документалистики).

Анализ корпуса просветительских текстов дает возможность говорить о проявлении в нем в той или иной степени «авторского присутствия». Типология «образа автора» (внутренняя) наиболее отчетливо проступает на фоне функционально-стилевого синкретизма, составившего специфику повествовательной структуры рассмотренных произведений. Эмотивность документальной и собственно просветительской литературы первых десятилетий XIX в., стремление писать «впережку» (Н. Михайловский) в нарушение традиционных жанровых канонов и «правил» нормативной поэтики (смещение официального и разговорного, научного и художественного стилей, элементов духовного и светского дискурсов) указывает на ситуацию, известную в филологии как «раскрепощение авторской инициативы» [1, с. 14].

Наличие в подобных сочинениях рассказа о становлении личности автора, о его ценностных ориентациях, свидетельствуя о росте индивидуально-творческого начала, одновременно есть также показатель актуализации внетекстовых перспектив, очерченных задачами культурно-просветительской программы. В научно-документальных нарративах на смену стратегии самопрезентации приходят уже иные формы проявления авторской субъективности. Это – выстраивание идейной системы координат, способствующей осмыслению опыта прошлого в ракурсе просветительских идей; присутствие в тексте с информационно-фактуальным содержанием фрагментов экспрессивно-оценочного стиля; акцентуация единства авторского и сказительского «я» как способ придания собственной точке зрения прогностической надличностной значимости. К сказанному прибавим тождество мотиваций к творческой деятельности, гражданский пафос, исторический оптимизм авторов, чтобы констатировать формирование в северокавказской прозе повествовательной традиции качественно нового уровня. Процесс индивидуализации стиля идет, за редким исключением, пока в пределах чужого языкового пространства, в условиях синтеза эстетики русской классической литературы и бытовавшей у народов Северного Кавказа богатейшей устной прозаической традиции, этнодуховной практики собственных национальных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шиков К.М. Закономерности развития русскоязычной адыгской литературы XIX – начала XX века: этнокультурная специфика творческой индивидуальности писателя и литературный процесс: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Майкоп, 2006. 38 с.
2. Гамзатов Г.Г. Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. М.: Наследие, 1996. 653 с.
3. Айларова С.А. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: Культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2003. 366 с.
4. Денисова Н.Н. Проблемы северокавказского просветительства в контексте общероссийского просветительского движения // Культурно-просветительское движение на Северном Кавказе (XIX – первая треть XX вв.): материалы IV науч. чтений, посвящ. Дню славянской письменности и культуры. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2011. С. 6–18.
5. Джусойты Н.Г. История осетинской литературы. Кн. 1 (XIX век). Тбилиси: Мецниереба, 1980. 332 с.
6. Акавов З.Н. Просветительство и развитие дооктябрьской литературы тюркоязычных народов Северного Кавказа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1988. 40 с.
7. Оразаев Г.М. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII–XIX вв.: Исследование, тексты и комментарии. Махачкала, 2007. 322 с.
8. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 264 с.
9. Салагаева З.М. От Нузальской надписи к роману: Проблемы генезиса и становления осетинской прозы. Орджоникидзе: Ир, 1984. 312 с.
10. Ногма Ш.Б. Филологические труды. Т. 2. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1958.
11. Нуркова В.В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2009. 50 с.
12. Голубева Л.Г. Литературы Северного Кавказа и Дагестана (первой половины XIX в.) // История всемирной литературы: в 8 т. Т. 6. М.: Наука, 1989. С. 432–435.
13. Хашхожева Р.Х. Адыгские писатели-просветители XIX – начала XX века. Нальчик: Изд-во КВНЦ РАН, 2003. 172 с.
14. Теунов Х. Литература и писатели Кабарды. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1955. 361 с.
15. Тхагазитов Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов: Опыт теоретической истории: эпос, литература, роман. Нальчик: Эльбрус, 1996. 256 с.

Поступила в редакцию 18.02.2013 г.
Принята к печати 30.09.2013 г.